

УДК 323.22

К вопросу о функционировании общественного мнения в сфере внешней политики¹

И. Ю. Киселев, А. Г. Смирнова

*Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова*

E-mail: igkisselev@mail.ru; agsmirnova2001@mail.ru

To the Issue of the Functioning of Public Opinion in the Sphere of Foreign Policy

I. Y. Kiselev, A. G. Smirnova

P.G. Demidov Yaroslavl State University

Научная статья

Scientific article

В статье рассматривается проблема функционирования общественного мнения в сфере внешней политики. В частности, обсуждается значимость общественного мнения в выработке и реализации внешнеполитического курса. Кроме того, на примере исследований американских и российских ученых описаны основные составляющие внешнеполитического сознания, позволяющие обычным гражданам осмыслить информацию о внешнеполитических событиях, а также сформулировать мнение относительно успешности деятельности правительства.

Ключевые слова: общественное мнение, внешняя политика, патернализм, социальные установки.

The issue of functioning of public opinion in the sphere of foreign policy is under consideration in the article. In particular, the significance of public opinion in the development and realization of foreign policy course is under discussion. Besides, the main dimensions of foreign policy consciousness, which enable ordinary citizens to comprehend the information about foreign policy events and to formulate the opinion about the effectiveness of governments' activity, are described on the basis of American and Russian scholars' research.

Keywords: public opinion, foreign policy, paternalism, attitudes.

Функционирование общественного мнения в структуре институтов власти и управления в сфере внешней политики представляет собой одну из фундаментальных проблем политической социологии и политологии. Сохраняющийся высокий интерес к ее исследованию обусловлен спецификой процесса принятия политических решений. Его участниками выступают не только должностные лица и коллегиальные органы государственной власти, но и политические партии, группы давления. Более того, как подчеркивает А.И. Соловьев, «принятие решений в государстве выливается в непрерывный диалог профессионалов и общественности, имеет форму соучастия управляющих и управляемых» [1, с.483].

Присутствие множества субъектов, которые характеризуются особым видением целей и средств внешней политики, а также разным уровнем власти и влияния, приводит к постановке проблемы учета их специфических интересов в выработанном решении. Р.Хилсман полагает, что участники политического процесса стремятся к достижению соглашения [2].

Основанием для него должно стать решение, *приемлемое* в идеале для всех заинтересованных сторон [3]. В свою очередь, невыполнение этого условия приводит к возникновению дополнительных затрат на реализацию принятого решения, поскольку если субъекты не считают его приемлемым, то могут отказаться от его исполнения.

В связи с этим интерес представляет исследование закономерностей функционирования общественного мнения в сфере внешней политики.

Поставленная проблема складывается из целого ряда конкретных вопросов. Наиболее важные из них связаны, во-первых, с изучением моделей взаимодействия

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-03-00455

© Киселев И.Ю., 2015

© Смирнова А.Г., 2015

власти и общественного мнения в сфере внешней политики. Иначе говоря, необходимо раскрыть значимость общественного мнения в выработке и реализации внешнеполитического курса. Во-вторых, исследование поставленной проблемы направлено также на описание социальных установок представителей разных социальных групп, взаимосвязей между ними, а также анализ того, как они влияют на восприятие и оценку внешнеполитической стратегии, реализуемой властью.

Общественное мнение о внешней политике: формировать или учитывать?

Проблема поиска оптимальной модели взаимодействия общественного мнения и субъектов принятия внешнеполитических решений находит отражение в существовании так называемой *дилеммы подотчетности*. Ее возникновение связано с тем, что политики, принимая решения, вынуждены считаться с мнением групп, которые обладают *недостаточными знаниями* в сфере рассматриваемой проблемы и чья позиция по тем или иным вопросам отличается *непоследовательностью и недальновидностью (опасность «глупой аудитории»)*[4]. В результате в стремлении опереться на общественное мнение политики рискуют принять решения, которые характеризуются высокой *иррациональностью*. Вместе с тем они не могут полностью проигнорировать предпочтения потенциальных избирателей, снижая уровень приемлемости решений. Сказанное особенно справедливо, когда речь идет о *демократических государствах*, в которых политика осуществляется политическими лидерами от имени доверителей, в качестве которых выступают избиратели. Они наделены возможностью одобрить или высказаться против проводимого курса посредством выборов и выражения общественного мнения.

Однако было бы ошибочно связывать специфику взаимоотношения субъектов принятия политических решений и общественного мнения только с особенностями политической системы. Так, Д. П. Гавра описывает шесть режимов взаимодействия власти и общества: подавление общественного мнения, игнорирование общественного мнения, патернализм власти по отношению к общественному мнению, сотрудничество (взаимореализация) общественного мнения и власти, давление общественного мнения на власть и диктатура общественного мнения [5]. Некоторые из них, по мнению ученого, могут сложиться как в условиях авторитаризма, так и демократии (например, патернализм).

Какие из них характеризуют взаимоотношения власти и общественного мнения в сфере внешней политики? Можно предположить, что, как и во внутренней политике, существует разнообразие возможных паттернов. Вместе с тем возникновение некоторых из них более вероятно, учитывая особенности самой сферы внешней политики. В частности, нельзя не согласиться с мнением В. В. Федорова и Д. В. Поликанова о том, что механизм принятия внешнеполитических решений «менее демократичен» [6], чем выработка внутриполитических решений.

С одной стороны, низкий уровень вовлеченности широкой общественности в процесс принятия решений обусловлен закрытостью этой сферы, значимостью рассматриваемых вопросов, информация по которым зачастую предназначена исключительно для «служебного использования». С другой стороны, неучастие объясняется тем, что интерес обычных граждан к проблемам, возникающим на международной арене, как правило, довольно низкий. Отсутствие интереса к проблемам внешней политики сочетается с низким уровнем информированности (за исключением некоторых тем), а также невысокой компетентностью в данной сфере.

В результате в литературе по проблеме общественного мнения, прежде всего американской, сложилось достаточно устойчивое представление о его характеристиках в сфере внешней политики, обозначаемое как «консенсус Алмонда-Липпмана» [7]. Его содержание раскрывается в трех утверждениях. Во-первых, общественное мнение отличается высокой подвижностью, изменчивостью и, следовательно, создает довольно зыбкий фундамент для принятия внешнеполитических решений. Во-вторых,

социальным установкам по внешнеполитической проблематике недостает целостности и структурированности, в результате это ведет к отсутствию установок как таковых. В-третьих, по большому счету общественное мнение оказывает незначительное влияние на реализацию внешней политики. Например, В. В. Федоров и Д. В. Поликанов полагают, что «в России общество отчуждено от дипломатии гораздо больше, чем в развитых странах Запада», процесс создания внешнеполитического курса «крайне персонализирован» [8]. При этом президент России, с деятельностью которого эксперты преимущественно и связывают направление внешнеполитического курса, полагает, что рейтинги, которые отражают уровень поддержки населением проводимого курса, должны учитываться, но не служить главным ориентиром при принятии внешнеполитических решений. Так, отвечая на вопросы участников Всероссийского молодежного форума «Селигер-2014», В. В. Путин отметил: «Если это что-то, что в общественном сознании ещё не получило положительной оценки, задача заключается не в том, чтобы подстроиться под общее мнение, – задача заключается в том, чтобы его честно и открыто объяснить» [9]. Фактически, по мнению президента РФ, ведущая роль во взаимоотношениях власти и общественного мнения принадлежит первой.

Таким образом, можно предположить, что в сфере внешней политики отношения между властью и обществом тяготеют скорее к *патерналистской модели*, которая предполагает не подавление общественного мнения, а его формирование посредством разъяснения позиций по ключевым вопросам внешней политики. При этом она актуальна не только для авторитарных, но и для демократических государств [10].

На формирование модели построения отношений между общественным мнением и субъектами принятия внешнеполитических решений оказывает влияние не только тип политического режима, но и другие факторы.

Среди них необходимо отметить следование принципам *реализма* или *либерализма* в международных делах. Как известно, они представляют собой не только научные теории, но и концепции, которые используются политиками в практике международных отношений и, следовательно, служат основанием для определения значимости общественного мнения в разработке внешнеполитического курса страны. *Реалисты* описывают общественное мнение как барьер для вдумчивой и последовательной дипломатии, препятствующий усилиям по продвижению национальных интересов страны. Реализация внешней политики требует информированности, гибкости, соблюдения секретности и других условий, которые трудно соблюдать при условии участия широкой общественности в принятии внешнеполитических решений.

В свою очередь сторонники *либерализма* признают значимость общественного мнения и рассматривают его как средство избежания эскалации конфликтов в международных делах, поскольку участие общественности в принятии внешнеполитических решений и подотчетность политиков избирателям способно удержать их от развязывания войны. Подобные идеи, в частности, отражены в теории демократического мира.

В разные периоды внешнеполитическая деятельность государств может базироваться на идеях как реализма, так и либерализма. Например, президент США В. Вильсон связывал надежды на формирование международной безопасности после Первой мировой войны с распространением либерализма. В свою очередь, реализм стал наиболее влиятельной концепцией после окончания Второй мировой войны. В последние годы многие страны мира столкнулись с результатами американской внешней политики, *сочетающей в себе элементы реализма и либерализма* (так называемый «демократический реализм» [11]). В частности, широкое распространение получила идея о том, что безопасность может быть обеспечена за счет установления демократических режимов в государствах, представляющих потенциальную угрозу. При этом данная концепция признает значимость общественного мнения, однако мнения – формируемого *средствами массовой информации*.

В данном случае взаимодействие субъектов принятия внешнеполитических решений и общественного мнения опосредовано СМИ, которые привлекают внимание граждан к тем или иным политическим проблемам, выступая зачастую единственным

источником информации о них. Однако их роль может интерпретироваться двояко. Она находит отражение в действии так называемого «эффекта CNN» [12]. Его суть состоит в том, что СМИ, акцентируя внимание на отдельных политических проблемах и формируя определенное общественное мнение, вынуждают политиков реагировать на эти проблемы. Бездействие, очевидно, вызовет неодобрение со стороны избирателей и будет также освещено в СМИ. Таким образом, общественность получает возможность оказывать влияние на процесс принятия внешнеполитических решений. Однако подобное влияние, по мнению Дж. Ная, негативно сказывается на качестве решений, поскольку СМИ задают свою «повестку дня», подчас вынося на первый план события, на которых политики предпочли бы не акцентировать внимание. Кроме того, интенсивное новостное вещание требует быстрого обновления информации, что существенно сокращает время для принятия решений, его обдумывание [13].

Нельзя не согласиться и с тем, что средства массовой информации тесно взаимодействуют с субъектами принятия внешнеполитических решений. В результате общественное мнение формируется посредством распространения СМИ информации, которая позволяет создать поддержку уже разработанной и реализуемой внешнеполитической стратегии. Фактически средства массовой информации также вносят вклад в реализацию патерналистской модели.

Вместе с тем очевидно, что данная модель – не единственная, и общественное мнение играет более активную роль в разработке внешнеполитической стратегии. Подтверждением этому служат результаты исследований, направленных на проверку «гипотезы возмездия избирателей» [14]. Ее содержание заключается в том, что избиратели способны «наказать» политиков или партии за неудачный с их точки зрения политический курс, не поддержав их на выборах. Как следствие, не всегда имея возможность оказывать непосредственное воздействие на процесс принятия решений, обычные граждане влияют на его субъекта. В частности, политические лидеры вынуждены ориентироваться на *ожидания* граждан относительно результатов реализуемой стратегии, *антиципируя* их, в том числе на основе результатов опросов общественного мнения. Фактически в данном случае общественное мнение создает контекст, в котором принимаются внешнеполитические решения.

Согласно исследованию С. Телхами, в арабских странах правительства получали легитимность за счет того, что демонстрировали приверженность двум категориям транснациональных символов, которые поддерживались общественным мнением: праву палестинцев на самоопределение и антиколониализму. Они находят отражение в антиамериканизме и выступлениях против Израиля [15]. Если общественность воспринимала свое правительство как неспособное реализовать эти символы во внешней политике, то могли возникнуть протестные действия, направленные против него. В результате наличие консолидированного мнения, отражающего представления об идентичности и статусе этих государств на международной арене, создало достаточно четко определенные рамки внешнеполитической стратегии политической элиты. Фактически в данном случае можно говорить о режиме *давления общественного мнения на власть*.

Отношения общественного мнения и власти могут быть реализованы также и в режиме *сотрудничества (взаимореализации)* общественного мнения и власти. Например, проведению в Крыму референдума о присоединении к РФ предшествовало проведение социологического опроса, позволившего изучить настроения жителей полуострова [16]. В данном случае общественное мнение выступает для власти в качестве *условия* принятия решения, а также его дальнейшей реализации.

Антиципация ожиданий общественности и поддержание отношений сотрудничества с субъектами принятия внешнеполитических решений невозможна без описания базовых конструктов, на которые опираются обычные граждане в оценке внешней политики.

Проблема представлений о внешней политике

Интерес к исследованию общественного мнения в сфере внешней политики вырос вследствие пересмотра основных положений «консенсуса Алмонда – Липпмана». В США, по мнению О. Р. Холсти, взгляд на природу общественного мнения изменился после войны во Вьетнаме [17]. В частности, было показано, что, несмотря на низкий уровень информированности, социальные установки обывателей относительно международных проблем имеют довольно целостную структуру. Более того, неопределенность, сопровождающая международные политические процессы, не только не препятствует упорядочиванию установок, но даже предрасполагает к этому. В связи с этим важно выявить и описать основные конструкты, которые позволяют гражданам упорядочить и осмыслить информацию о внешнеполитических событиях, а также сформировать мнение относительно успешности деятельности правительства.

Наиболее систематизированные данные описывают особенности внешнеполитического сознания американцев.

Одно из измерений, которое позволяет упорядочить знания о внешней политике, представлено дихотомией «изоляция – интернационализм». При этом важно подчеркнуть, что размышление о внешней политике с точки зрения отмеченных параметров свойственно не только обычным гражданам, но и представителям политической элиты. В частности, тема участия США в международных делах (интернационализм) или необходимости сосредоточиться на внутренних проблемах (изоляция) присутствует в инаугурационных речах американских президентов и определяет направленность внешнеполитической стратегии Америки [18]. Важно подчеркнуть, что ориентация на интернационализм и изоляционизм сменяют друг друга. Например, после распада СССР общественное мнение демонстрировало склонность к изоляционизму. В отмеченный период А. Шлесингер характеризовал общественность как 1) несклонную поддерживать миротворческие миссии за рубежом, 2) демонстрирующую нежелание участвовать в международной деятельности, которая может быть связана с потерями, 3) отказывающую в долговременной поддержке международным институтам [19]. Несколько лет спустя необходимость борьбы с международным терроризмом обусловила активную вовлеченность США в международные дела. Однако в 2008 г. Б. Обама вновь построил президентскую программу преимущественно вокруг решения внутривнутриполитических проблем [20]. В свою очередь, его второй президентский срок проходит под лозунгом о том, что «Америка должна лидировать в мире. Если она этого не сделает, не сделает никто» [21].

Однако в рамках данного измерения субъекты принятия внешнеполитических решений и обычные граждане могут высказывать несопадающие мнения. Как следствие, политические лидеры, ориентируясь на ожидания общественности, вынуждены принимать решения, которые ограничивают вовлеченность США в мировые проблемы.

Вместе с тем важно отметить, что ориентация на изоляционизм или интернационализм не является единственным параметром организации внешнеполитического сознания американцев. Е. Р. Виткопф полагает, что представления общественности о внешней политике организованы в соответствии с двумя ключевыми факторами: поддержкой или оппозицией воинственного интернационализма и поддержкой или оппозицией кооперативного интернационализма [22]. Описанная структура характеризуется ориентацией на вовлеченность США в международные дела, что соответствует субъективной статусной позиции государства как единственной великой державы. Однако при этом исследователь констатирует существование в общественном мнении различий относительно стратегии реализации лидерства. В результате могут быть описаны четыре типа внешнеполитического сознания, которые свойственны: 1) сторонникам жесткой стратегии во внешней политике (поддерживают воинственный интернационализм и не поддерживают кооперативный), 2) интернационалистам (поддерживают обе позиции), 3) изоляционистам (не поддерживают

ни одну позицию), 4) сторонникам сближения во внешней политике (поддерживают кооперативный интернационализм и не поддерживают воинственный).

Представленная классификация в целом отражает основные положения реализма и либерализма во внешней политике. Как отмечалось в предыдущем разделе статьи, обе эти позиции в разные годы формировали основания стратегии США в отношениях с другими странами. В частности, внешнеполитическое сознание сторонников жесткой стратегии соответствует концепции реализма; сторонники сближения разделяют идеи либерализма. Демократический реализм сопоставим с внешнеполитическим сознанием интернационалистов. Таким образом, можно предположить, что предложенная структура внешнеполитического сознания наиболее корректно отражает содержание социальных установок обычных граждан и представителей политической элиты.

Еще одно измерение внешнеполитического сознания американцев связано с дифференциацией установок на односторонние или многосторонние действия [23]. На фоне представлений о лидерстве США в мире американские политики в последние десятилетия не раз предпринимали действия в обход решений международных институтов. Вместе с тем широкое распространение получила также и стратегия реализации национальных интересов посредством создания широкой коалиции на основе убеждения союзников в том, что неудачи в противодействии угрозе губительно отразятся на их национальных интересах. Подобная стратегия была реализована в борьбе с терроризмом, в Ираке, Сирии, Ливии, в санкционных кампаниях против Ирана и России. Однако будучи проведенными в многостороннем формате, действия на международной арене направлены на реализацию прежде всего национальных интересов США.

Можно ли описать аналогичные структурные компоненты внешнеполитического сознания россиян?

Поставленная задача сложна, поскольку все еще продолжается формирование идентичности России как независимого государства, определение статуса и ролевой концепции нашей страны. Данное обстоятельство находит отражение в том, что даже в начале 2000-х годов геополитическое мышление россиян находилось на достаточно низком уровне и опиралось на стереотипы, которые относились к советскому периоду [24].

Как следствие, можно предположить, что в качестве организующих выступают такие конструкты внешнеполитического сознания, которые позволяют определить положение России на международной арене. Среди них, по нашему мнению, необходимо назвать традиционную для российского политического сознания оппозицию западничество – почвенничество, которая выступает значимой ценностно-мировоззренческой дилеммой [25]. Она находит отражение либо в стремлении россиян идентифицировать себя в качестве европейцев и поддержать вхождение страны в западную цивилизацию, либо в склонности рассматривать сближение с Западом как нежелательный путь развития [26]. Другое направление осмысления внешней политики связано с определением России как великой державы. По мнению специалистов ВЦИОМ, россияне хотели бы видеть страну в числе 10–15 влиятельных государств [27]. Однако влияние не связано с мессианством, а с обретением авторитета и уважения. Кроме того, для жителей страны, которая в недавнем прошлом выступала в качестве одного из ведущих игроков в мировых политических процессах, актуальным представляется осмысление внешней политики в терминах изоляционизм – интернационализм. Подобная оппозиция разрешена посредством выбора прагматической стратегии во внешней политике, предполагающей соотношение уровня вовлеченности в международные процессы с имеющимися интересами и возможностями.

Результаты приведенных исследований внешнеполитического сознания американцев и россиян позволяют заметить, что представления об участии государств в международных процессах формулируются на основе относительно небольшого количества параметров. Однако, по мнению политических психологов, этого достаточно для осмысления сложных внешнеполитических проблем и генерирования оценок деятельности лидеров. Как подчеркивает О. Холсти, они выступают в качестве эвристик,

то есть стратегий, позволяющих осмысливать сложную и многоаспектную информацию и экономить при этом когнитивные ресурсы [28]. Более того, подобные базовые параметры предоставляют возможность сформировать мнения по проблеме, располагая минимальными знаниями о текущих событиях. Согласно теории когнитивного соответствия, субъекты склонны осмысливать новую информацию в «привязке» к уже имеющимся представлениям. Подобная когнитивная стратегия актуализируется в условиях дефицита информации. В связи с этим, чем меньше знает субъект о положении дел на международной арене, тем более целостной, но при этом не обязательно корректной, будет его картина мира, позволяющая сформировать мнение по проблеме.

Завершая краткое рассмотрение двух ключевых проблем функционирования общественного мнения в сфере внешней политики, необходимо сделать следующие выводы.

Несмотря на довольно низкий уровень информированности о проблемах внешней политики, граждане способны сформулировать мнение о них, которое отличается достаточно высокой целостностью и упорядоченностью. При этом сложившееся мнение отражает ожидания от реализации проводимой внешней политики, которые, с одной стороны, могут выступать своего рода оценочной точкой для политического лидера при выборе альтернатив в процессе принятия решений. С другой стороны, зачастую оно становится и объектом воздействия в форме долгосрочных образовательных, пропагандистских программ, нацеленных на повышение поддержки политического курса в будущем (фактически в данном случае речь может идти о социализации или ресоциализации представителей разных социальных групп). Однако политики могут испытывать потребность в организации кратковременной поддержки. Значимая роль в этом случае принадлежит средствам массовой информации. В обоих случаях «общественное мнение является значимым ресурсом внешней политики» [29]. Однако закономерности генерирования и использования подобного ресурса еще предстоит изучить.

Ссылки / Reference

- [1] Соловьев А. И. Политология: политическая теория, политические технологии / А. И. Соловьев. М.: Аспект Пресс, 2000. – 559 с. (С. 483).
- [2] Hilsman R. To Move a Nation: the Politics of Foreign Policy in the Administration of John F. Kennedy. Garden City, N. Y.: Doubleday, 1967. P. 552.
- [3] Farnham B. Roosevelt and the Munich Crisis: A Study of Political Decision Making. Princeton, NJ.: Princeton University Press, 1997. P. 259.
- [4] Киселев И. Ю. Политический истеблишмент: психологические аспекты практики властвования М.: ИП РАН, 2000. С. 311.
- [5] Гавра Д. П. Общественное мнение и власть: режимы и механизмы взаимодействия // Журнал социологии и социальной антропологии, 1998. Том 1. № 4. – С. 62–76.
- [6] Федоров В. В., Поликанов Д. В. Общественное мнение о внешней политике России // Полития, 2005. № 1. С. 22–39 – <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/01/25/1251411879/2.pdf>
- [7] Holsti O. R. Public Opinion and Foreign Policy: Challenges to the Almond-Lippmann Consensus [1992] // Holsty O. R. Making American Foreign Policy. NY: Routledge Taylor & Francis Group, 2006. P. 55.
- [8] Федоров В. В., Поликанов Д. В. Общественное мнение о внешней политике России // Полития, 2005. № 1. С. 22–39; С. 26 <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/01/25/1251411879/2.pdf>

- [9] Всероссийский молодежный форум «Селигер–2014». 29 августа 2014 года. – <http://kremlin.ru/news/46507> (Дата обращения 15 марта 2015 г.)
- [10] Гавра Д. П. Общественное мнение и власть: режимы и механизмы взаимодействия // Журнал социологии и социальной антропологии, 1998. Том 1. № 4. С. 68.
- [11] Snyder J. One World, Rival Theories // Foreign Policy, 2004. November/December. P. 54.
- [12] Neack L. The New Foreign Policy: U.S. and Comparative Foreign Policy in the 21st Century. Lanham, Boulder, NY, Oxford: Rowman& Littlefield Publishers, inc., 2003. P. 115.
- [13] Ney J. S. jr. Redefining NATO's Mission in the Information Age // NATO Review. 1999. Winter. – <http://www.nato.int/docu/review/1999/9904-03.htm>
- [14] Holsti O. R. Public Opinion and Foreign Policy: Challenges to the Almond-Lippmann Consensus [1992] // Holsty O. R. Making American Foreign Policy. NY: Routledge Taylor & Francis Group, 2006. P. 72.
- [15] Прив. по: Neack L. The New Foreign Policy: U.S. and Comparative Foreign Policy in the 21st Century. Lanham, Boulder, NY, Oxford: Rowman& Littlefield Publishers, inc., 2003. P. 109–112.
- [16] Крым. Путь на Родину. Фильм. А. Кондрашова. – http://russia.tv/brand/show/brand_id/59195
- [17] Holsti O. R. Public Opinion and Foreign Policy: Challenges to the Almond-Lippmann Consensus [1992] // Holsty O.R. Making American Foreign Policy. NY: Routledge Taylor & Francis Group, 2006. P. 62.
- [18] Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789–2001) с историческим комментарием / Общ. ред. и коммент. Э. А. Иваняна. М., 2001. – 528 с.
- [19] Schlesinger A. Jr. Back to Womb? Isolationism's Renewed Threat // Foreign Affairs, 1995. № 74. Pp. 16–18.
- [20] Киселев И. Ю. Образ США в инаугурационной речи Б. Обамы: перемены, в которые мы можем поверить? // V Всероссийский конгресс политологов «Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы». Москва 20 – 22 ноября 2009 г. М.: Российская ассоциация политической науки, 2009. С. 205.
- [21] Remarks by the President at the United States Military Academy Commencement Ceremony. U.S. Military Academy-West Point, West Point, New York – <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/05/28/remarks-president-united-states-military-academy-commencement-ceremony>
- [22] Wittkopf E. R. On the Foreign Policy Beliefs of the American People: A Critique and Some Evidence // International Studies Quarterly, 1986. № 30. Pp. 425–445.
- [23] Holsti O. R. Public Opinion and Foreign Policy: Challenges to the Almond-Lippmann Consensus [1992] // Holsty O.R. Making American Foreign Policy. NY: Routledge Taylor & Francis Group, 2006. P. 68.
- [24] Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика / Под ред. В. А. Колосова. – М. : Институт фонда «Общественное мнение», 2003. С. 261.
- [25] Малинова О. Ю. Методологические проблемы изучения идеологических представлений элитных групп // Вестник Московского университета. – Серия 12. Политические науки. 2008. № 6. – С. 92–93;
- [26] Селезнева А. В. Основные подходы к анализу политических ценностей в современной России // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». 2007. Выпуск 1. – С. 128–134.

- [27] Федоров В. В., Поликанов Д. В. Общественное мнение о внешней политике России // *Полития*, 2005. № 1. С. 22–39 – <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/01/25/1251411879/2.pdf>
- [28] Петухов В. В. Приоритеты внешней политики: эволюция массовых установок // *Мониторинг общественного мнения*, 2004. № 1. С. 34–45; Федоров В. В., Поликанов Д. В. Общественное мнение о внешней политике России // *Полития*, 2005. № 1. С. 22–39 – <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/01/25/1251411879/2.pdf>.
- [29] Holsti O. R. *Public Opinion and Foreign Policy: Challenges to the Almond-Lippmann Consensus [1992]* // Holsty O.R. *Making American Foreign Policy*. NY: Routledge Taylor & Francis Group, 2006. P. 69.
- [30] Цыганков П. Внешняя политика и общественное мнение // *Обозреватель – Observer*, 2008. № 7. С. 50.